

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Откройте для себя 3D-чтение книг Натальи Солнцевой!

«3D-чтение» — это официально запатентованный проект, революционный способ общения с книгой, заключающийся в чтении под специально написанную для этого музыку. Всё дело в особенностях человеческого мозга, способного при чтении показывать нам самое настоящее красочное «кино», которое не может существовать без звука, создающего свою неповторимую атмосферу. Наше воображение так или иначе воспринимает художественный текст как нечто, обладающее ритмом, который и ложится в основу этого метода чтения.

«3D-чтение» даёт возможность не просто включить свою фантазию, а вывести её на качественно новый уровень.

Читаем по-новому! Инструкция по применению «3D-чтения»!

- 1) Сядьте поудобнее с книгой. Можете налить себе чашечку бодрящего кофе или чая;
- 2) Включите саундтрек с маркировкой «3D-чтение» на зацикленное повторение (репит). Важно, чтобы громкость звучания музыки была для вас комфортной. Помните, в данном случае она лишь фон для чтения и не должна заглушать ваш внутренний голос, читающий книгу;
- 3) Начните читать.

Внимание!

Не пытайтесь *специально* слушать музыку, не отвлекайтесь на неё сами (она сама вас точно ничем не отвлечёт). Не ждите специально никакого эффекта или ощущения. Сосредоточьтесь только на книге, на истории! *Только в этом случае* музыка сама станет вашим верным спутником, когда вы начнёте своё новое литературное путешествие!..

«Приятного погружения в книгу! Композитор Андрей Гучков»

Мир я сравнил бы с шахматной доской;
То день, то ночь. А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут, — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Омар Хайям

Валенсия, XVII век

Весна в Валенсию приходит рано: уже в феврале расцветают апельсиновые и мандариновые деревья, с плоскогорий дует теплый ветер, и море дышит слабым запахом соли и водорослей.

Неподалеку от монастыря Святого Франциска располагалась маленькая уютная усадьба — красивый дом с каменными лестницами и фонтаном во дворе, окруженный садом. У входа росли миндальные кусты и белый шиповник. Две служанки во дворе чистили рыбу на обед для именитых гостей.

— Жалко нашу госпожу, — всплакнула одна из них. — Она была так добра к нам!

— Душа госпожи теперь в раю, — вздохнула резвая толстушка Кармела. — А что будет с бедняжкой Фернандой? Ее покровительница умерла, оставив девушку без гроша и крыши над головой.

— Фернанду выдадут замуж за богатого старика, ведь о ее красоте судачат по всему побережью. Сеньор Диего уже два раза сватался, а она ему отказывала.

Кармела отряхнула с рук рыбью чешую и кровь, вытерла ладони о фартук. Ее неряшливость раздражала пожилую служанку, но на сей раз та смолчала — не до придирок нынче. Скоропостижная смерть хозяйки повергла слуг в искреннюю печаль. Особенно все сокрушались по поводу дальнейшей судьбы молоденькой воспитанницы покойной, миловидной длинноволосой Фернанды. Смирным нравом и приветливостью девушка снискала всеобщую любовь. Разве что хозяйский управляющий, пузатый одышливый старик, ненавидел ее. Несмотря на возраст, он обожал похотливые развлечения и норовил каждой девице нырнуть под юбку. Попытка приударить за Фернандой окончилась для сластолюбца звонкой пощечиной, сопровождавшейся залистым хохотом дворни. Управляющий затаил на девушку злобу. Теперь, когда ее заступница беседует с ангелами на небесах, он усмирит упрямую девчонку!

Фернанда, чувствуя исходящую отовсюду угрозу — с одной стороны, посягательства управляющего, с другой — сватовство ненавистного сеньора Диего, — хотела только одного: чтобы ей позволили уйти в монастырь. Увы, об этом не могло быть и речи. Сеньор Диего пообещал за нее кругленькую сумму, и родственники покойной госпожи не захотят с ним ссориться. Они ведь почти разорены, а он богат и влиятелен.

Ночью после похорон девушка сбежала из дома, который приютил ее, захватив с собой узелок с одеждой и сундучок с шахматами, единственной вещью, подаренной ей перед смертью доброй сеньорой.

— Мои силы на исходе, — прошептала та, сделав воспитаннице жест приблизиться. — Я ухожу, Фернанда... покидаю тебя. Не плачь, дитя... Судьба смилостивится над тобой, я знаю. — Она поманила девушку пальцем, чтобы та наклонилась к самому изголовью. — Мой дом и все имущество уйдут в уплату за долги... Мне нечего оставить тебе, и потому мое сердце обливается кровью. Но у меня есть одна... реликвия, доставшаяся мне от хорошего человека...

Больная задыхалась, слова с хрипом вырывались из ее уст, а грудь судорожно вздымалась.

— Молчите... — рыдала Фернанда. — Вам нельзя говорить!

— Мне... уже можно... все. Слушай, не перебивай. Возьми шахматы, которыми мы играли... Они... принесут тебе удачу.

— Шахматы? Они же дорогие, их можно продать и... уплатить часть долгов.

Губы умирающей дрогнули в улыбке.

— Они... не продаются. Бери шахматы, они твои... по праву. Ты... скрасила мою старость, дорогая Фернанда... заменила мне дочь. Они твои. Эти... шахматы...

Больная порывалась еще что-то сказать, но удушье помешало ей. Позвали врача, но лекарства более не помогали, и к утру господь призвал к себе душу праведницы.

После кончины хозяйки девушка забрала деревянный резной сундучок с шахматами в свою комнату. Она не могла смотреть на них без слез. Все прекрасное в ее жизни закончилось навсегда, и только эти шахматы будут напоминать ей о счастливейшей поре ее беззаботной юности.

Прижимая к груди заветный сундучок, Фернанда дождалась темноты, выбралась из окна в сад, перелезла через забор и поспешила к монастырю. Там проходила дорога, и, может быть, ей удастся уехать подальше отсюда на какой-нибудь крестьянской телеге.

Вопреки ее надеждам дорога была пустынна, залитая лунным светом, она зловеще серебрилась. Вокруг — ни души. С черного неба на де-

вушку неодобрительно взирало ночное светило. Монастырская стена и выступающие над ней башни отчего-то вызвали у беглянки суеверный ужас. Она совершает великий грех, послушавшись старших, которым ей надлежало покориться. Она будет сурово наказана!

Стук лошадиных копыт по камням показался ей сладкозвучной музыкой — на дороге появилась крытая повозка. Фернанда радостно встрепенулась, но тут же, приглядевшись, сжалась от испуга. Неужели цыганская кибитка? Цыган-фламенкос в Валенсии побаивались, у них был черный глаз, и они занимались магией, что жестоко каралось церковью. «Пришла расплата за мои грехи! — подумала девушка, волосы зашевелились у нее на голове. — Эти страшные люди утащат меня в преисподнюю, навеки погубят мою душу!» Деваться, однако, было некуда, идти одной по дороге значило стать легкой добычей для разбойников или, того хуже, насильников. Поэтому Фернанда, перекрестившись, пошла навстречу кибитке...

От усталости и волнения она почти не помнила, как забралась в повозку, примостилась на ворохе пахнущего конским потом тряпья и уснула. Старая усатая цыганка склонилась над ней, обратив внимание на сундучок. Ее глаза засверкали. Она простерла над головой девушки высохшую заскорузлую руку, и та в ужасе проснулась, отпрянула.

— Не дергайся, — сипло засмеялась старуха. — Спи. Тебе не о чем беспокоиться.

— Я не знаю, что со мной будет... — невольно призналась Фернанда. — Мне некуда идти.

— Все образуется. Хочешь узнать свое будущее? — ухмыльнулась цыганка. — Только мы, фламенкос, на завтрашний день не гадаем. Мои предки учились своему ремеслу в тайных святилищах Исиды и Тота.

— К-кто эт-то? — стуча зубами, едва выговорила Фернанда.

— Великие боги Древнего Египта.

— Это все ересь... грех...

Цыганка обнажила редкие, острые, как у рыси, зубы — она то ли смеялась, то ли скорчила жуткую гримасу. В ее зрачках разгорался черный огонь. Девушка ахнула, попыталась зажмуриться, но не смогла.

— Хочешь, я же чувствую, — прошипела ужасная старуха, пригвоздив ее к месту пылающим взглядом. — Любой смертный мечтает узнать свою судьбу. Разве не интересно, что будет с тобой через десять, двадцать лет? А через два, три века?

В теле Фернанды помимо ее воли разливался сухой жар, а ноги и руки, наоборот, оледенели и потеряли чувствительность. Глаза сами собой без малейшего ее усилия закрылись, и все поплыло: цыганка словно растаяла... Кибитка растворилась в черноте ночи...

* * *

Санкт-Петербург, начало XXI века

Весна запаздывала. В Санкт-Петербурге местами все еще лежал снег. По Неве, по мутным водам мелких рек и каналов плавало ледяное крошево. Бледные фасады домов, словно написанные грязной пастелью, сонно тянулись вдоль набережной. Холодные волны плескались о заплесневелые камни. С залива дул порывистый ледяной ветер.

Грёза стояла на маленьком тесном балкончике, открытом всем дождям и мокрому снегу, и зябко поеживалась. Опять ее одолевала тоска — никуда не хотелось идти, ничего не хотелось делать: лежать бы и лежать под ватным одеялом, слушать, как тихо, заунывно гудит газовая печка и мурлычет толстый кот Никон. Грёза кормила его куриными потрошками и мелкой рыбешкой, до которой Никон был большой охотник.

Дом, где она проживала, подлежал капитальному ремонту, и многие жильцы выселились, — остались только те, которым переезжать было некуда. Им обещали предоставить отдельные квартиры, а пока впереди маячили обшарпанные комнатухи в общежитии на краю города, куда Грёза, две глухие старушки, многодетная семья и парень-сосед переезжать отказывались наотрез.

Грёза замерзла, слегка взбодрилась и вернулась в гостиную с высоким потолком, с лепными карнизами, истертым паркетом на полу и полукруглым окном, завешенным плюшевой шторой.

— Имячко тебе родители придумали — закачаешься! — подшучивал над ней сосед. — Грёза! Что это значит?

— Мечта или призрачное видение, — отвечала она. — Папе взбрело в голову, он и назвал. Он у меня знаменитым артистом был!

На самом деле Грёза выросла в детском доме, ни папы, ни мамы сроду не знала, а жилье ей досталось в наследство от умершей пару лет назад бабульки, за которой она ухаживала. Девушка по-настоящему привязалась к старушке, полюбила ее, как родную, наполнила теплом и заботой последние дни одинокой хозяйки двух комнат с трещинами на стенах и огромной гулкой кухни с допотопной плитой, круглым столом и коллекцией закопченных керогазов.

Мебель в квартире была выдавшая виды, повсюду висели черно-белые фотографии в рамках: дети в пионерских галстуках и военные с орденами и медалями. На этажерке, на буфете, на тумбочках стояли вазы с засушенными цветами бессмертника, а выдвигаемые ящики шкафа и комода ломались от пыльных коробок и шкатулок, поломанных будильников, шерстяных клубков, пожелтевших журналов, фетро-

вых шляп, старых носков и варежек, от которых разило нафталином.

Все родственники старушки погибли на фронте или умерли в блокаду, сама она чудом уцелела, но так и не избавилась от страха голода и холода, поэтому накапливала всякий хлам — от поношенной одежды до керосиновых ламп и книг с оборванными корешками.

— Гляди не выбрасывай, — поучала она Грёзу. — На растопку пригодится.

Девушка не спорила. Дряхлая и капризная Фаина Спиридоновна заменила ей семью, которой у Грёзы никогда не было. Когда одним хмурым петербургским утром старушка не смогла встать с постели, она попросила Грёзу вызвать на дом нотариуса, отписала ей все нажитое, включая квартиру, и через пару дней тихо угасла. Девушка оплакивала умершую так безутешно, словно утратила вместе с ней что-то невосполнимо дорогое, чего у нее теперь никогда не будет.

Имущество старушки доброго слова не стоило, и сосед не раз предлагал Грёзе нанять машину и вывезти всю эту рухлядь на помойку. Но та не могла расстаться не только с никчемными вещицами, но даже с проржавелыми керогазами и пыльной макулатурой. Ей казалось, что этим варварским действием она предаст память близкой души, разорвет ту слабую ниточку, которая все еще связывала ее с покойной.